

Засодимский Павел Владимирович

Шах Надир и мудрец Али Керим

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Шах Надир и мудрец Али Керим / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-85804-5

ISBN 978-5-519-85804-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

исполняется въ мгновеніе ока. У меня уже почти *нѣтъ* желаній... Все, чего я жаждалъ, о чемъ мечталъ, уже у меня въ рукахъ. Я—выше всѣхъ сыновъ земли... И теперь, могучій, въ сознаніи своей несокрушимой силы, въ довольствѣ и блаженствѣ, я почию, какъ Богъ! И развѣ я не подобенъ Богу? Развѣ я не достоинъ божескихъ почестей.

Задавъ неожиданно такой вопросъ, шахъ умолкъ и изъ-подъ темныхъ бровей пытливо посмотрѣлъ на присутствующихъ. Тѣ смиренно склонились передъ шахомъ.

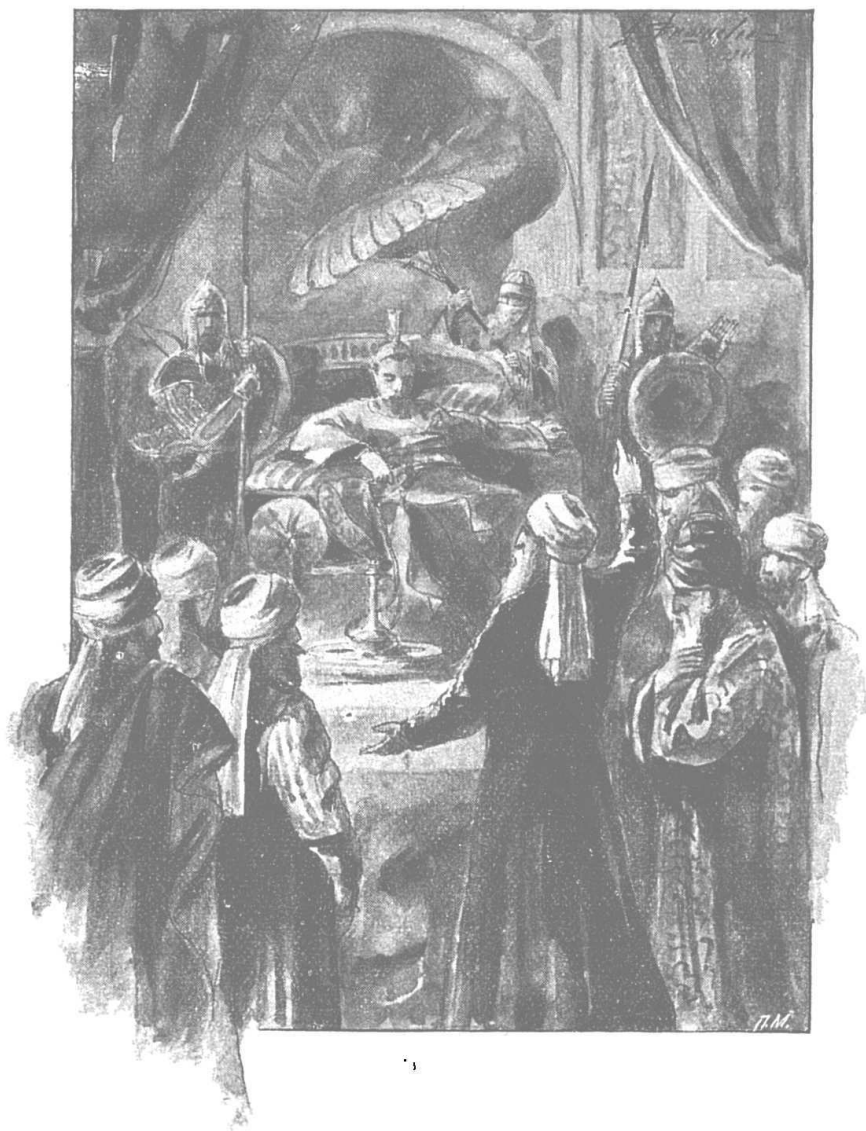
— О, великій, славный, свѣтозарный шахъ!—съ покорнымъ видомъ заговорилъ отъ лица всѣхъ предстоявшихъ старѣйшій изъ сановниковъ.—Ты—украшеніе вселенной! Ты—свѣтъ міра! Ты—единственный, ты всему—начало и конецъ. Ты подобенъ Богу и уже давно достоинъ божескихъ почестей!

— Да, да,—послышалось изъ среды вельможъ и царедворцевъ.—Да живетъ вѣчно нашъ богоподобный, свѣтозарный шахъ!

Но лишь только замолкъ въ залѣ гулъ голосовъ, изъ блестящей толпы придворныхъ и вельможъ выступилъ скромно, даже бѣдно одѣтый старикъ почтеннаго вида, высокій, сѣдой, худощавый, съ очень умнымъ лицомъ и съ живыми, смѣлыми и не по-старчески проницательными глазами. Это былъ мудрецъ, придворный врачъ Али Керимъ.

— Великій шахъ! — торжественно заговорилъ онъ, поднявъ руку.—Ты сказалъ: «я—всемогущъ,

все въ моей власти...» Такъ запрети солнцу завтра взойти надъ землею! Останови порывы бури! Заставь стихнуть вѣтеръ, вырывающій деревья съ

корнемъ и бросающій въ моръ корабли, какъ щепки! Скажи этому буйному вѣтру: «не дохни!» Продли хоть на одно мгновенье жизнь умирающему,

когда огонь жизни гаснетъ въ немъ подѣ дуновеніемъ высшихъ силъ, правящихъ міромъ! Ты говоришь: «все, что я желаю, исполняю...» Полети, вонъ, за той птицей по поднебесью!.. (И старикъ указалъ рукой въ окно, откуда была видна въ ту минуту пролетавшая птичка). Пожелай, чтобы мать не проронила слезы надъ своимъ нѣжно любимымъ умершимъ дитятей, чтобы душа ея не изнывала въ тоскѣ смертной!.. Ты не можешь сдѣлать, повидимому, самаго простого... ты не въ состояніи укрощать себя, обуздывать бѣшеные порывы своихъ страстей! Ты рѣшительно не въ силахъ заставить ни одного изъ своихъ приближенныхъ говорить тебѣ правду, всю правду и только одну правду... Ты сказалъ, что ты—непобѣдимъ... Смерти побѣдить ты не можешь! Ты умрешь такъ же, какъ всѣ мы, и тебя такъ же, какъ и насъ, зароютъ въ землю!.. Нѣтъ, шахъ!—съ легкимъ вздохомъ закончилъ старикъ, покачавъ головой.—Ты—не подобенъ Богу и божескихъ почестей ты не достоинъ.

Шахъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности и откинулся на спинку трона... Блѣдностью, какъ сѣрвотой тѣнью, мгновенно перекрылось его смуглое лицо, а пальцы такъ и впились въ золотыя ручки трона...

«Что сказалъ этотъ несчастный!..» Старикъ дерзнулъ ему противорѣчить? Ему, шаху, онъ осмѣлился сказать: «нѣтъ!..» «Выжившій изъ ума мудрецъ!..»

Нѣсколько мгновений шахъ Надиръ сидѣлъ молча, неподвижно, крѣпко стиснувъ губы, и со зловѣщимъ видомъ смотрѣлъ въ упоръ на старика. А тотъ также не сводилъ съ него глазъ и, выпрямившись во весь ростъ, спокойно, смѣло и свободно стоялъ передъ шахомъ... «Что жъ это такое!» подумалъ шахъ. Этотъ жалкій старикъ смѣется надъ нимъ, что ли? Въ присутствіи всего собранія—въ присутствіи воиновъ и рабовъ—Али Керимъ такъ дерзко говорилъ съ нимъ, надругался надъ его всемогуществомъ—и не падаетъ передъ нимъ ницъ на колѣни, а стоитъ совершенно спокойно и смотреть на него, какъ равный на равнаго. Али Керимъ оскорбилъ его величество Надира Счастливаго... Еще никто никогда не наносилъ шаху такой кровной обиды, да шахъ никогда и не представлялъ возможности кѣмъ бы то ни было на свѣтѣ быть оскорбленнымъ, да къ тому же еще своимъ подданнымъ—и притомъ публично. Ярость забушевала въ немъ... Блѣдность, мгновенно появившаяся, такъ же мгновенно и исчезла,—лицо его побагровѣло отъ сдерживаемаго гнѣва, и глаза, еще за минуту такіе прекрасные, такіе спокойные, налились кровью и горѣли, какъ два раскаленные угля.

— Прочь съ глазъ моихъ! Взять его!—указывая рукой на старика, съ бѣшенствомъ вскричалъ шахъ, и голосъ его громовыми раскатами пронесся подъ сводами залы, заставивъ задрожать отъ ужаса всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ Али Керима.—Въ под-

земелье его! А черезъ три дня казнить, отрубить ему голову и выставить ее надъ воротами главной городской башни... Пусть хищныя птицы вырвутъ его безстыдные глаза, пусть расклюютъ въ клочья его дерзкій, проклятый языкъ! И пусть...

Но шахъ задохнулся отъ бѣшенства и не могъ болѣе вымолвить ни слова. Онъ только, молча, махнулъ рукой стражѣ.

Воины съ обнаженными мечами бросились на старика, схватили его и, бряцая оружіемъ, повлекли его изъ залы. Они стащили его въ подземелье и заперли тамъ. Въ подземельѣ было душно, сыро; ни одинъ лучъ свѣта не проникалъ туда, и отвратительныя гадины ползали во мракѣ по земляному полу.

Послѣ того, какъ воины увели Али Керима, шахъ съ минутой, молча, сидѣлъ на тронѣ и помутившимися очами, какъ безумный, смотрѣлъ на своихъ вельможъ.

— Всѣ — вонъ!.. только и могъ онъ крикнуть хриплымъ голосомъ.

И всѣ сановники и царедворцы съ низкими, почтительными поклонами немедленно удалились изъ залы.

ъ ту же ночь, — отъ сильнаго волненія или отъ чего-нибудь другого — неизвѣстно — шахъ опасно заболѣлъ.

Лежитъ онъ въ своей опочивальнѣ, на роскошномъ ложѣ, — въ жару, въ бреду.

То видитъ онъ себя въ пылу сраженья...

Въ вихрѣ пыли мчится онъ въ раззолоченной колесницѣ, на своихъ бѣлыхъ арабскихъ коняхъ, и жестокая битва кипитъ кругомъ него... слышатся крики сражающихся, стукъ оружія, лошадиный топотъ и ржанье... То грезится ему поле послѣ битвы, озаренное блѣднымъ сіяніемъ мѣсяца. Теперь это поле безмолвно, залито кровью и усыяно горами мертвыхъ тѣлъ.

— Обильна жатва смерти! — бормочетъ онъ въ бреду и содрогается невольно при видѣ мертвецовъ, при видѣ ихъ остеклѣвшихъ глазъ, блестящихъ при лунномъ свѣтѣ и, казалось, отовсюду упорно, грозно смотрѣвшихъ на него.

И всѣ эти люди, погибшіе изъ-за него, ради его ненасытной алчности и жажды славы, вдругъ приподнимаются, простираютъ къ нему свои окровавленные руки, хватаютъ его за край одежды, хотятъ остановить его. Онъ отбивается отъ мертвецовъ, рубить мечомъ по ихъ сухимъ, костлявымъ рукамъ, но тяжелый мечъ его ломается, словно ударяясь о камень. Онъ схватываетъ копьё и колетъ имъ мертвецовъ, но и копьё въ его рукахъ разлетается, какъ тоненькая тростинка.

Шахъ—въ отчаяніи... шахъ бѣжитъ... и чудится ему, что мертвецы отовсюду, со всѣхъ концовъ земли, съ тѣхъ полей битвъ, гдѣ онъ разбивалъ полчища непріятелей, гонятся, несутся за нимъ по пятамъ. То отъ ужаса его бросаетъ въ жаръ, то прошибаетъ холодный потъ... Онъ изнемогаетъ и падаетъ—падаетъ все ниже, ниже, словно увлекаемый въ бездонную пропасть какою-то невѣдомою, невидимою силой...

То грезятся ему пылающіе города, слышится трескъ пламени и грохотъ разрушающихся зданій, слышатся стоны и вопли женщинъ и жалобный, душу надрывающій, дѣтскій плачъ... Черныя обгорѣлыя развалины зловѣщими силуэтами рисуются передъ нимъ на огненномъ фонѣ,—и въ одно мгновенье густые клубы дыма, пронизанные искрами, какъ мрачной завѣсой, все застилаютъ передъ нимъ...

И чудится ему, что солнце, луна и звѣзды спали съ небесъ и очутились у его ногъ. Но въ ту же

минуту, какъ призракъ, возстаетъ передъ нимъ Али Керимъ и говорить:

— Все, что ты видишь у своихъ ногъ,—эти солнце, луна, звѣзды—не небесныя свѣтила, все это—не настоящее, поддѣльное. А истинное солнце не скатится съ неба къ твоимъ ногамъ! Смотри! Вонъ оно—высоко надъ тобой!..

Шахъ поднялъ голову и видитъ: въ небѣ стоитъ яркое-яркое солнце, огнемъ горитъ, пышитъ и жжетъ ему голову... И голова его горяча, голова болить, въ ушахъ шумъ и звонъ...

Съ часу на часъ шаху дѣлалось все хуже и хуже. По городу уже пронесся слухъ, что шахъ Надиръ умираетъ, и народъ при такой вѣсти не зналъ, радоваться ему или печалиться. Шахъ Надиръ бывалъ суровъ, а новый шахъ могъ быть еще суровѣе...

Леила, первая и самая любимая жена шаха, слыла красавицей изъ красавицъ. Поэты воспѣвали ее, а народъ за красоту, за необыкновенно нѣжный цвѣтъ лица прозвалъ ее «Блѣдной розой Фарсистана». Леила любила шаха и теперь была въ отчаяніи. Она призвала къ себѣ всѣхъ знаменитыхъ врачей и умоляла ихъ спасти ея мужа и повелителя. Она рвала на себѣ волосы, плакала и рыдала...

— Просите, требуйте все, все, что хотите, только спасите его!—ломая руки, говорила она сквозь слезы.

Врачи, молча, низко поклонились Леилѣ и пошли въ опочивальню шаха. Тамъ, у ложа больного

они долго совѣщались между собою, и наконецъ одинъ изъ нихъ не побоялся вслухъ признаться ей въ своемъ безсиліи, и отъ лица всѣхъ своихъ товарищей сказалъ ей:

— Всемиловитая повелительница! Великаго шаха поразилъ страшный недугъ, но намъ онъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Мы только знаемъ, что нашъ славный, свѣтозарный шахъ опасно боленъ... Темныя демоны мучаютъ его, преслѣдуютъ призраки... Онъ на волосокъ отъ смерти! Клянусь вѣчнымъ Ормуздомъ,—мы всѣ желали бы помочь нашему великому шаху, но мы не знаемъ его болѣзни и не беремся его лѣчить!

— Неужели никто, никто изъ васъ не спасетъ мнѣ его!—взывала она къ врачамъ, съ мольбой простирая къ нимъ руки. — Вы—такіе мудрые, всезнающіе...

И тотъ же врачъ отвѣтилъ ей:

— Прости, всемиловитая наша повелительница! Мы не всезнающіе люди... У одра больного мы часто бродимъ, какъ впотьмахъ. Знанія наши несовершенны... Люди вѣрятъ намъ потому, что они еще темнѣе, невѣжественнѣе насъ... Мы часто обманываемся, заблуждаемся, но признаться въ своихъ заблужденіяхъ намъ совѣстно, и мы продолжаемъ обманываться и обманывать другихъ... *Тебѣ* я это говорю, моя повелительница! Люди, для ихъ же собственнаго спокойствія, не должны объ этомъ знать... (И врачъ многозначительно, почти сурово, посмотрѣлъ въ заплаканные глаза

красавицы Леилы). Но осмѣлюсь я тебѣ сказать, что только одинъ человѣкъ, если захочетъ, можетъ спасти шаха—вырвать его изъ холодныхъ объятій смерти... Его свѣдѣнія во врачебномъ дѣлѣ далеко превосходятъ наши слабыя познанія,—кажется, всѣ тайны нашего искусства открыты ему...

— О, скажите, назовите мнѣ,—кто же этотъ человѣкъ?—умоляла Леила.

— Это Али Керимъ!—сказалъ ей врачъ.—Его нѣтъ съ нами и никогда уже не будетъ его въ нашей средѣ... Злые духи погубили Али Керима, гордыня его обуяла... По повелѣнію нашего всемилостивѣйшаго шаха, за свою великую дерзость онъ заключенъ въ подземелье и завтра ему отрубятъ голову.

— Али Керимъ! Такъ онъ еще живъ? не казненъ?—радостно воскликнула Леила, вся просіявъ отъ блеснувшей ей надежды. — О, всѣ дерзости ему простятся, все забудется... только бы онъ...

Леила замолкла и, приложивъ палецъ къ губамъ, на мгновенье задумалась и съ разсѣяннымъ видомъ посмотрѣла на врачей. «Если захочетъ!» вспоминала она только что слышанныя ею слова.

Она знакомъ отпустила врачей и по уходѣ ихъ велѣла немедленно привести къ ней Али Керима. Начальникъ стражи, Ильдіафаръ, сказалъ ей:

— Али Керимъ, по повелѣнію шаха, заключенъ въ подземелье и завтра его ждетъ казнь.

Леила грозно нахмурила брови, и прелестное лицо ея словно потемнѣло отъ гнѣва.